
Respublika mechei ili torgovaia respublika ?

Rossiiskaia istoricheskaia mysl' XVIII-nachala XIX v. o voennoi moshchi
respublikanskogo Novgoroda

*République militaire ou république commerciale : la pensée historique russe du
XVIIIe – début du XIXe siècle sur la puissance militaire de la république de
Novgorod*

*A military republic or trading republic? The position of Russian historiography
between the eighteenth and early nineteenth centuries on the Republic of
Novgorod's military might*

Konstantin D. Bugrov et Sergei V. Sokolov

Édition électronique

URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/10259>

DOI : 10.4000/monderusse.10259

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 1 janvier 2018

Pagination : 93-116

ISBN : 978-2-7132-2745-5

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Konstantin D. Bugrov et Sergei V. Sokolov, «Respublika mechei ili torgovaia respublika ?», *Cahiers du monde russe* [En ligne], 59/1 | 2018, Выложить онлайн 01 janvier 2020, Наводить справки в 06 janvier 2021. URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/10259> ; DOI : <https://doi.org/10.4000/monderusse.10259>

© École des hautes études en sciences sociales

KONSTANTIN D. BUGROV, SERGEI V. SOKOLOV

RESPUBLIKA MECHEI ILI TORGOVAIA RESPUBLIKA?

Rossiiskaia istoricheskaia mysl' XVIII-nachala XIX v.
o voennoi moshchi respublikanskogo Novgoroda

[République militaire ou république commerciale ?
La pensée historique russe du XVIIIe - début du XIXe siècle
sur la puissance militaire de la république de Novgorod]

Стремительная вестернизация России в XVIII в., связанная с петровскими преобразованиями, трансформировала основы политической культуры страны, однако не смогла подорвать господствующих в ней позиций монархизма. На смену религиозному политическому языку с конца XVII в. приходит компаративный, заимствованный с Запада политический язык, позволявший сравнивать между собой различные формы правления – монархию, аристократию, демократию. Российские авторы XVIII столетия отдавали предпочтение монархии, соединяя традиционный религиозный монархизм с новыми, рационалистическими и секулярными аргументами в пользу «власти одного»¹.

Центральным аргументом в пользу монархии стало соображение о том, что монархия способна более эффективно отвечать на внешние вызовы, а республиканское государственное устройство приемлемо только для малых государств и вольных городов. Архиепископ Феофан Прокопович, например,

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00216 «Концепции конфликта и согласия в российской общественной мысли в контексте европейских подходов (XVIII-XX вв.)»).

1. См.: К.Д. Bugrov, «The Palladium of Russia? Monarchism as a Discourse of Russian Modernity», *Bylye Gody*, 2013, № 30 (4), с. 94–102.

считал республики слабыми в военном отношении и способными удержать лишь небольшую территорию под своим контролем. В «Слове похвальном в день рождения благороднейшего государя царевича и великого князя Петра Петровича» (1717) Феофан критикует Речь Посполитую, ослабевшую после превращения в республику, настаивая на том, что исторический опыт однозначно демонстрирует военное превосходство монархий. Правда, говоря о Венеции, Феофан отдает должное эффективности политического строя республики святого Марка, не забыв, впрочем, напомнить: Венеция, по его словам, являет собой «тело не великое, в едином граде заключенное»². Для больших же держав любая форма правления, кроме монархии, губительна.

В разное время сходные доводы повторяли В.Н. Татищев³ и императрица Екатерина II, писавшая в известной записке о политическом кризисе 1730 г.:

Знайте же, что если ваше правительство преобразится в республику, оно утратит свою силу, а ваши области сделаются добычею первых хищников; не угодно-ли с вашими правилами быть жертвою какой-нибудь орды татар, и под их игом надеетесь-ли жить в довольстве и приятности.⁴

Республиканское правление, способное дать гражданам больше «вольности», неизбежно приведет к коллапсу огромной страны, поскольку лишь монархия способна эффективно управлять ей и защищать ее от внешних врагов. Аналогичное умозаключение императрица делает и в исторической пьесе «Из жизни Рюрика» (1786):

В обширной земле, где народа много, от каждого лица можно ли требовать, чтоб во всех случаях все мыслили одинако; что более искусных людей или наполненных ревностию ко князю и к общему добру, то скорее друг ко другу заражаются завистью; но разумный государь, не судя особенно по страстной о ком молве, а более по качествам, по заслугам, без труда обуздает в нас зависть и несогласие.⁵

2. См.: Феофан Прокопович, «Слово похвальное в день рождения благороднейшего государя царевича и великого князя Петра Петровича», в Ф. Прокопович, *Сочинения*, М., 1961, с. 41.

3. Татищев посвятил анализу преимуществ монархии отдельную главу своей «Истории» и специальное сочинение, которые пытался представить как мнение дворянства во время кризиса 1730 г. (В.Н. Татищев *История Российская*, М.: При Имп. Московском ун-те, 1769, кн. 1, ч. 2, с. 527–548; Его же, «Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном», в В.Н. Татищев, *Собрание сочинений*, М.: Ладомир, 1996, т. 8, с. 146–152).

4. «Екатерина II. Собственноручная заметка Екатерины II о попытке Долгоруких в 1730 г. ограничить власть самодержавия», *Русская старина*, 1875, т. 12. № 12, с. 388.

5. «Екатерина II. Подражание Шакспиру, историческое представление без сохранения театральны́х обыкновенных правил, из жизни Рюрика», *Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей*, т. 2. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1901, с. 238.

Исследователю российской политической мысли уместно задаться вопросом о том, каким же образом могла сложиться в России республиканская традиция? Ведь для того, чтобы всерьез говорить о республике в России, необходимо было пересмотреть исторический аргумент о военном превосходстве монархии. Уже декабристские мыслители с готовностью оперировали республиканскими понятиями применительно к российским реалиям⁶; однако это – лишь конечная точка, результат интеллектуального процесса, шедшего на протяжении столетия, отделившего петровские реформы от восстания декабристов. Важной частью этого процесса была рефлексия над историей древнего Новгорода. Именно складывание республиканского новгородского канона в исторической мысли XVIII в. исподволь привело к опровержению аргумента о предполагаемом военном превосходстве монархии.

В настоящей статье мы анализируем исторические – в широком смысле – тексты, чтобы рассмотреть формирование и функционирование представлений о могущественной Новгородской республике в российской историко-политической мысли XVIII – начала XIX в. Публицистические и художественные произведения вносили свой вклад в поддержание дискурса о могущественном Новгороде, черпая сведения из исторических трудов; однако после публикации художественных текстов они, в свою очередь, начинали оказывать влияние на самих историописателей. Поэтому мы не разделяем изучаемые тексты на научные и художественные. Напротив, мы исходим из признания единства всего массива «новгородских текстов», разных по жанровой принадлежности, но объединенных своим коммуникативным контекстом, своим предметом речи.

Римская образность и конструирование Новгородской республики

Признание древнего Новгорода республикой само по себе было для российской общественной мысли инновацией – настоящим концептуальным «изобретением» XVIII в. Дело в том, что средневековые летописные своды не идентифицировали Новгород как республику. Переломным моментом стало создание А.И. Манкиевым труда «Ядро российской истории», где новгородский «образ гражданства» был назван демократическим, подразумевалось – республиканским⁷. На протяжении XVIII в. республиканская характеристика древнего Новгорода сосуществовала с монархической (основанной на сообщениях так называемой Иоакимовской летописи, включенной в свой труд В.Н. Тагицевым, о том, что Новгород всегда был монархией, трон которой

6. J. Grandhaye, *Russie: la République interdite. Le moment décembriste et ses enjeux (xviiie – xixe siècles)*, Seyssel: Champ Vallon, 2012, p. 190–207.

7. [А.И. Манкиев] *Ядро российской истории*, М.: При Имп. Московском университете, 1770, с. 20.

Гостомысл завещал Рюрику), постепенно вытесняя ее. И это несмотря на то, что именно концепция Иоакимовской летописи легла в основу упомянутой уже пьесы «Из жизни Рюрика», написанной Екатериной II!

Обращение к республиканским сюжетам вряд ли можно считать формой идеологической фронды (ведь большинство авторов XVIII в. считало именно монархию настоящим «палладиумом России», наиболее подходящей формой правления для огромной страны). Скорее, следует говорить о трансфере римских образов. Например, Феофан Прокопович в уже упомянутом «Слове» не смог обойти вниманием важнейшее исключение из череды исторических примеров слабых республик – «древнюю речь посполитую Римскую», чьи легионы была непобедимы на поле сражения, больше того – нанесли поражения могущественным и обширным монархиям. Феофану пришлось разрешить противоречие ссылкой на то, что о Римской республике «особенные бяху судьбы Божии»⁸.

И впрямь, история Римской республики пробивала брешь в историко-монархической аргументации. Могущество республики было настолько притягательным, что с ней охотно сравнивали Россию даже авторы, безоговорочно признававшие монархию лучшей формой правления. Такое сравнение приводит в «Древней Российской истории» (1766 г.) М.В. Ломоносов, особо оговорив различия в форме правления:

Римское государство гражданским владением возвысилось, самодержавством пришло в упадок. Напротив того, разномысленною вольностию Россия едва не дошла до крайнего разрушения; самодержавством как сначала усилилась, так и после несчастливых времен умножилась, укрепилась, прославилась.⁹

Римская образность оставалась чрезвычайно привлекательной для российских авторов, формировавших – по выражению исследователя Г.С. Кнабе – собственную «русскую античность»¹⁰.

Под влиянием западных объяснительных моделей и, прежде всего, римской образности, исторический сюжет о призвании варягов трансформировался в историю о смене формы правления (республики – монархией). Опираясь на Манкиева, республикой Новгород называли М.М. Щербатов, М.В. Ломоносов, Ф.А. Эмин, И.Ф. Богданович, Н.С. Ильинский, М.Н. Муравьев и

8. Феофан Прокопович, «Слово похвальное в день рождения благороднейшего государя царевича и великого князя Петра Петровича», с. 42.

9. М.В. Ломоносов, *Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 г.*, сочиненная Михайлом Ломоносовым, СПб.: Имп. Академия наук, 1766, с. 3.

10. Г.С. Кнабе, «Русская античность», в Г.С. Кнабе, *Избранные труды: Теория и история культуры*, СПб.: Летний сад; М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006, с. 758–774.

другие авторы¹¹. На рубеже XVIII–XIX вв. представление о республиканском характере древнего Новгорода было закреплено историко-художественными сочинениями – в первую очередь, трагедиями «Вадим Новгородский» Я.Б. Княжнина, «Царь, или Спасенный Новгород» М.М. Хераскова, «Рюрик» П.А. Плавильщикова и «Марфа Посадница» Н.М. Карамзина.

Новгородская республика, «изобретенная» российскими авторами XVIII в., была сконструирована по лекалам классических греко-римских сюжетов. Однако моделирование «русской античности» не было попыткой вести политический спор при помощи исторических аргументов, но явилось результатом усвоения аристотелевского глоссария форм правления и, соответственно, компаративного политического языка. Развитие же республиканского сюжета российской истории происходило благодаря импорту римской образности, позволявшей выработать адекватную объяснительную модель для древнейшей российской истории, понятную кругам образованной элиты.

Так, скудость летописных сведений о Вадиме Храбром, предположительно возглавившем в Новгороде сопротивление Рюрику, компенсировалась авторами XVIII в. при помощи использования хорошо известных образованным россиянам сюжетных ходов из истории о падении Римской республики и борьбе республиканцев – вначале Катона, а потом Брута и Кассия – против цезарианцев. Готовые объяснительные модели российские авторы могли почерпнуть из популярных в XVIII в. исторических сочинений Тита Ливия, Плутарха, Тацита, Саллюстия – или из специальных трудов по греко-римской истории¹².

Однако сам концепт республики не был однозначным. Классический республиканизм¹³ – в противовес приведенному в начале этой статьи монархи-

11. Ф.А. Эмин, *Российская история*, СПб.: При Имп. Академии Наук, 1769, т. 3, с. 220; М.М. Щербатов, *История российская*, СПб.: При Имп. Академии наук, 1770, т. 1, 190–193; И.Ф. Богданович, *Историческое изображение России*, СПб.: При Имп. Академии Наук, 1777, с. 13; Н.С. Ильинский, *Историческое описание города Пскова и его древних пригородов с самого их основания* СПб.: В Тип. Б.Л. Гека, 1790, ч. 1. Предисловие (нумерация страниц отсутствует); И.В. Нехачин, *Новое ядро российской истории*, М.: Тип. А. Решетникова, 1795, ч. 1, с. 10–11; М.Н. Муравьев, *Опыты истории, письмен и нравочения*, СПб.: В Имп. типогр., 1796, с. 123; Г.Ф. Миллер, «О происхождении имени, и народа российского», в В.В. Фомин, *Ломоносов*, М.: Русская панорама, 2006, с. 396; Г.Ф. Миллер, «Краткое известие о начале Новагорода и о происхождении российского народа», в Г.Ф. Миллер, *Избранные труды*, М.: Янус-К, 2007, с. 103.

12. Очерк истории переводов и рецепции римской литературы в России дает А.Л. Любжин (А.И. Любжин, *Римская литература в России в XVIII – начале XX века*, М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 2007). Однако, разумеется, российские авторы могли черпать сведения об античной истории из переводов древних авторов на французский либо немецкий языки, а также из разнообразных исторических трудов и обзоров Нового времени – например, из «Римской истории» Ш. Роллена и «Истории римских императоров» Ж. Кретье, переведенных В.К. Третьяковским на русский язык в середине XVIII в.; Г.А. Гуковский называл работы Роллена и Кретье «популярным курсом гражданской морали» России XVIII в. (Г.А. Гуковский, *Русская литература XVIII века*, М.: АспектПресс, 2003, с. 77). Для историко-политической мысли России XVIII в. перевод крайне важен (см.: W. Coudenys, «Translators and the Emergence of Historiography in Eighteenth-Century Russia», *Quaestio Rossica*, Vol. 4, 2016, № 1, P. 235–260).

13. Основой для понимания классического республиканизма в данной статье служит классический труд Дж. Покока (J.G.A. Pocock, *The Machiavellian Moment: Florentine*

ческому аргументу – расценивал республики как *могущественные* в военном отношении; *республика мечей*, способная, подобно древнему Риму, наводить ужас на врагов. Залогом военной мощи республики выступала гражданская доблесть, вдохновлявшая воинов сражаться с героической доблестью даже в самой неблагоприятной ситуации – подобно спартамцам в Фермопилах или римлянам после катастрофы при Каннах. Характерный милитаризм классического республиканизма связывал доблесть с особым политическим устройством, позволявшим индивиду прожить достойную жизнь в качестве свободного гражданина. Мощь республики не имеет иного основания, кроме экстраординарной доблести собственных граждан. В силу этого классический республиканизм выступал противовесом провиденциализму, поскольку для добродетели, на которую опирается республика, важно соответствие гражданскому этосу, а не трансцендентной морали¹⁴. Такая концептуальная модель использовалась республиканцами начиная с Макиавелли¹⁵, полагавшего, что лишь солдат может быть хорошим гражданином¹⁶ и предпринявшего во Флоренции попытки заменить наемное войско гражданской милицией, вплоть до республиканцев начала XIX в. – например, С. Боливара¹⁷.

Существованию «республики мечей» угрожала коррупция: в Англии XVII в. республиканские мыслители (например, Дж. Харрингтон¹⁸) рассматривали земельную собственность как основание автономии гражданина и, следовательно, фундамент самой республики. Классическая республика опиралась на доблесть сознательного гражданина, наделенного «этосом гражданской жизни, в которой эго создало и любило себя в своем отношении к

Political Thought and the Atlantic Republican Tradition, Princeton: Princeton University Press, 1975). Кроме того, феномен классического республиканизма рассматривается в следующих работах: I. Honohan, *Civic Republicanism*, London – New York: Routledge, 2002; C. Laborde, J. Maynor, «The Republican Contribution to Contemporary Political Theory», *Republicanism and Political Theory*, Oxford: Blackwell Publishing, 2008, p. 1-28; Y.Ch. Zarka, «Monarchie et république: enjeux théoriques et idéologiques», *Monarchie et république au XVIIe siècle*, P.: Presses Universitaires de France, 2007, p. 7-13; О.В. Хархордин, науч. ред., *Что такое республиканская традиция? Сборник статей*, СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009.

14. Например, Тит Ливий, повествуя о переговорах между Публием Сципионом и царем Антиохом Великим после разгрома войск царя в Сирийской войне 192 – 188 гг. до н.э., передает слова Сципиона таким образом: «Из находящегося во власти бессмертных богов мы, римляне, имеем то, что даровано ими. Но дух, зависящий от нашего разума, был и пребывает в нас неизменным при любых обстоятельствах. Его не укрепляет удача и не ослабляет несчастье» (Тит Ливий. История Рима от основания города. Кн. XXXVII. 45).

15. R. Snyder, *Citizen-Soldiers and Manly Warriors: Military Service and Gender in the Civic Republican Tradition*, NY: Rowman and Littlefield Publishers, 1999, p. 15–44.

16. T. Lukes, «Martialing Machiavelli: Reassessing the Military Reflections», *The Journal of Politics*, № 66, 2004, p. 1089–1108.

17. Интересный анализ «республиканского империализма» Боливара предпринял Дж. Саймон (J. Simon, «Simon Bolivar's Republican Imperialism: Another Ideology of American Revolution», *History of Political Thought*, Vol. 33, № 2, 2012, p. 280–304).

18. J.G.A. Pocock, «Machiavelli, Harrington and English Political Ideologies in the Eighteenth Century», *The William and Mary Quarterly, Third Series*, Vol. 22, No. 4 (Oct. 1965), p. 549–583.

отечеству, республике или общему благу», одновременно подвергаясь «угрозе со стороны коррупции, действующей посредством частных appetitов или ложного сознания»¹⁹. Отсутствие доблести означало бы порабощение граждан «фантазией» и утрату *self-mastery* – в том смысле, в каком о «фантазии» рассуждал Б. Мандевиль, писавший об экономике, движимой *self-interest* и превращающей «частные пороки» в «общественные добродетели»²⁰.

Однако экономические и политические изменения Нового времени привели к тому, что с конца XVII в. республика добродетельных граждан-землевладельцев, рационально властвовавших над собой и имеющих достаточно свободного времени и экономической независимости для полноценного участия в делах республики, оказалась в тени мира торговли и кредита, где место доблестей все в большей степени занимали страсти, «фантазии» и *self-interest*. В противовес соображениям классических республиканцев – таких, как Макиавелли или Харрингтон – многие авторы XVIII в. начали считать республики по своей сути небольшими политическими образованиями, предрасположенными к коммерческому процветанию²¹. Популярным становится указание на различия между древними – воинственными, и современными – коммерческими республиками. Монтескье, например, полагал, что для современного мира роль древней доблести способна играть коммерческая «политичность» (*politeness*), которая вполне может быть внедрена и в монархиях²². Торговля смягчает нравы, развивает экономику и технику; однако одновременно она – говоря категориями классического республиканизма – провоцирует рост роскоши и коррупции и противоречит гражданской доблести и военизированному республиканскому этосу. Новая оценка республиканизма открывала возможности для того, чтобы считать добродетельным гражданином не столько воина, сколько торговца. В России этот коммерческий этос оценили по достоинству. Например, П.И. Рычков в «Переписке между двумя приятелями о коммерции» (1755) называет торговлю основой

19. Росоко, *The Machiavellian Moment*, p. 486. Покок опирается здесь на детальный анализ трудов Катона (псевдоним Дж. Тренчарда и Т. Гордона, которые в 1720 – 1723 гг. опубликовали целый набор журнальных статей, известных как «Письма Катона») и виконта Болингброка, а также Мандевилля и Монтескье.

20. Например, в предисловии к изданию своей знаменитой «Басни о пчелах, или частные пороки, общественные выгоды», Мандевиль отмечал: «Те, кто изучают природу человека, отвлекшись от искусства и образования, могут увидеть, что то, что делает человека социальным (*sociable*) животным, заключается не в его стремлении к компании, доброй природы, сочувствия, общительности и иных внешних добродетелей; но что его порочнейшие, отвратительнейшие качества в наибольшей степени необходимы для того, чтобы поместить его в самые большие и, согласно миру, самые счастливые и процветающие общества» (*The Fable of the Bees or, Private Vices, Publick benefits. With an Essay on Charity and Charity-Schools and a Search into the Nature of Society*, London: J. Tonson, 1724, p. A2).

21. I. Hont, «The early Enlightenment debate on commerce and luxury», *The Cambridge History of Eighteenth-Century Political Thought*, Cambridge: Cambridge University Press, 2008, p. 377–418.

22. R. Howse, «Montesquieu on Commerce, Conquest, War and Peace», *Brooklyn Journal of International Law*, № 31/3, 2006, p. 693–708.

«общего блага» и доказывает, ссылаясь на аббата Бельгарда («L'Éducation parfaite»), что предприимчивость купцов тоже является формой доблести:

Как бы им такая славная дела без величественного духа сделать, и в предприятиях своих иметь щастливой успех, ежелиб они чрезвычайной отваги в страхах и удивительного постоянства в крайних трудностях и бедах не оказали.

В конечном счете, Венеция смогла противостоять туркам, а Голландия – испанцам; эта последняя «своими завоеваниями в разных местах показала довольные опыты, что дворянину купцом быть не стыдно, потому что купцу не трудно храбростию и великими делами уравниаться дворянину»²³.

Впрочем, речь шла не только о богатстве государства, но и новой – европейской – идентичности петровской России²⁴. Торговлю и сопутствующую ей «политичность» можно *развить* даже там, где она исторически отсутствовала, ей можно *научиться* – например, путем заимствования²⁵, в противовес добродетелям «республики мечей», которые необходимо исторически *унаследовать*. На этой концептуальной базе формировались исторические нарративы модернизационного проекта, повествующие о постепенном движении человеческих обществ от варварства – к цивилизации, от примитивной военной доблести – к модернизированному обществу, характеризующемуся развитыми торговлей, промышленностью, наукой²⁶. Дебаты на эту тему хорошо известны благодаря антитезе, сформулированной Б. Констаном (коллективистская, склонная к насилию над личностью «liberté des Anciens» в противопоставлении индивидуализированной, коммерческой «liberté des Modernes»)²⁷, но, пожалуй, не исчерпываются ею.

23. П.И. Рычков, «Переписка между двумя приятелями о коммерции», *Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие*, СПб.: Академия наук, 1755, Февраль, с. 120–121.

24. К.Д. Бугров, М.А. Киселев, *Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века*, Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016, с. 257–270.

25. На сходном понимании значимости «коммерции» и общей «политичности» базировался «цивилизаторский» нарратив о Петре Великом в культуре российского XVIII в., в равной мере разделявший светскими и церковными панегиристами. Например, епископ Порфирий Крайский в «Слове на день восшествия на престол Елисаветы Петровны» (1750 г.) задавался риторическим вопросом: «Скажи нам, о Россие! ведала ли ты заподлинно до времен ПЕТРА ВЕЛИКАГО что то есть фабрики, что мануфактуры, каковый отуду прибыток, каковая польза государственная, но не вся ли сии высоким разумом ПЕТРА ВЕЛИКАГО заведенная в тебе распространяются» (Порфирий Крайский, *Слово на день восшествия на престол Елисаветы Петровны*, М.: Синодальная тип., 1750, с. 11–12).

26. О таком понимании «республиканских» благ, поддающихся реализации и в монархии, см.: D. Griffiths, «Catherine II: The Republican Empress», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*, Bd. 21, H. 3 (1973), p. 323–344.

27. В. Constant, «De la liberté des Anciens comparée à celle des Modernes. Discours prononcé à l'Athénée royal de Paris», *Œuvres politiques de Benjamin Constant*, P.: Charpentiers et Cie, Libraires-éditeurs, 1874, p. 290–317.

Какой же республикой представлялся российским авторам древний Новгород? Парадоксально, но – несмотря на, казалось бы, общую солидарность с приведенным выше монархическим аргументом о военной мощи монархий и слабости республик, многие авторы XVIII в. считали Новгород именно *республикой мечей*, указывая на его непревзойденную военную мощь.

Легенда о военной мощи древнего Новгорода

О военном могуществе древнего Новгорода еще с XVII в. начинают сообщать источники, имеющие новгородское и украинское происхождение. Предполагается, что около середины XVII в. в новгородском летописании появляется историческая повесть, называемая «История о начале Русской земли и основании Новгорода» («Повесть о Словене и Русе»); ее фиксируют также некоторые хронографы второй половины столетия. Она читается в летописных сводах 1650 и 1652 гг., в ряде памятников, связанных с Новгородом, а также в Хронографе редакции 1679 г.²⁸ По версии «Истории» Новгород существовал до призвания Рюрика уже много сотен лет, причем его основали на месте еще более древнего города Славенска. Политическая сторона дела, впрочем, авторов легенды не волновала: в повествовании фигурируют князья-братья Славен и Рус, являющиеся типичными эпонимами.

В 1672 г. в Киеве игуменом Михайловского монастыря Феодосием Сафоновичем была окончена «Хроника из летописцев стародавних», где Новгород назван городом «страшным потугою своеи и рыцарством». В подтверждении этих слов Сафонович приводит «древнее присловье»: «Кто может против Бога и против Великого Новгорода?»²⁹ Любопытно, что утверждения о силе Новгорода и сама поговорка позаимствованы обучавшимся в европейских университетах Сафоновичем из «Хроники польской, литовской, жмудской и всей Руси» польского историописателя Мачея Стрыйковского, напечатанной еще в 1582 г. Новгород назван у Стрыйковского «могущественным» и «влиятельным»³⁰. Поговорку же о Новгороде Стрыйковский сам заимствовал из сочинения «Wandalia» Альберта Кранца, деятеля немецкого Возрождения начала XVI в.³¹ Вслед за Сафоновичем могущество древнего Новгорода превозносит

28. Текст см.: А.Н. Попов, *Изборник славянских и русских сочинений и статей*, М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1869, с. 442-447. Разбор списков и редакций см.: А.Л. Гольдберг, «Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси», *Вспомогательные исторические дисциплины*, т. XIII, Л., 1982, с. 50–63.

29. Ф. Софонович, *Хроника з летописців стародавніх*, Киев: Наукова думка, 1992, с. 58.

30. M. Strykowski, *Kronika Polska, litewska, żmódzka, I wszystkiej Rusi*, Warszawa: Gustaw Leon Glücksberg, 1846, t. 1, s. 113. Стрыйковский сам ссылается на А. Кранца.

31. A. Krantz, *Wandalia*, Francofurt: Andreae Wecheli, 1519, p. 5.

и автор «Синописа» (1674 г.), первой печатной книги об истории России на русском языке. Он также пользовался трактатом Стрыйковского³².

В «Ядре российской истории» (1715) А.И. Манкиев отмечает: Новгород Великий

знать, что... велик был, когда по многих повествователей свидетельству с областей своих... 100 000 войска в поле поставить мог, а окрестным соседям толь страшен тот город был... что народы посторонние, поминая могущество и величество Новгорода, говаривали: «Кто может против Бога и против Великого Новагорода».³³

Этот рассказ – очевидно, вдохновленный «Хрониками» Стрыйковского и Сафоновича³⁴ – являлся творческим их развитием: Манкиев даже выразил военно-политическую мощь новгородского «рыцарства» конкретным числом воинов.

И это признание военной мощи древнего Новгорода оказалось не менее важной новацией, чем идентификация его в качестве республики и последовавшее наделение Новгорода республиканскими атрибутами, почерпнутыми из римской истории. Например, М.М. Щербатов (1770 г.) отмечал, что «правление» Новгорода было «народное», и «по обыкновенным беспорядкам, бывающим в республиках, он подпал под власть и с покоренными ему народами Варягам <...> Но толь слабой язык, каковы были Варяги, не могли долго у себя толь сильный народ в подданстве содержать»³⁵. Итак, Новгородская республика была *сильнее* варяжских князей! И Щербатов – со ссылкой, конечно же, на «Ядро российской истории» – упоминает и пословицу, и стотысячное войско.

Описывая московско-новгородскую войну XV в., Щербатов предлагает более детальный анализ военного положения в Новгородской республике. Московский князь сокрушил Новгород военной силой, поскольку

войска Великаго Князя были составлены из храбрых и многими боями испытанных воинов, а Новгородския из граждан и поселян упоенных вместо храбрости буйством о силе их града, и ненависти Московскаго правления; и тако сошедшись когда сразились, победа и последовала разному состоянию сих воинств.³⁶

32. Об источниках «Синописа» см.: «С.Л. Пештич «Синопис» как историческое произведение», *Труды Отдела древнерусской литературы*, М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1958, т. XV, с. 284-298.

33. [А.И. Манкиев] *Ядро российской истории*, с. 20–21.

34. Об использовании Манкиевым «Хроники» Стрыйковского см.: С.Л. Пештич, *Русская историография XVIII в.*, Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1961, т. 1, с. 105. Вопрос об использовании Манкиевым «Синописа» не решен окончательно в исторической науке. Вероятнее всего, Манкиев не имел «Синописа» под рукой, когда сочинял свой труд.

35. Щербатов, *История российская*, т. 1. с. 190–191.

36. Там же, 1783, т. 4. ч. 2, с. 46.

Как видим, при объяснении причин поражения Новгородской республики в 1470-е гг. Щербатов использует аргумент о военном превосходстве монархий.

Древность и могущество Новгорода превозносил и Ф.А. Эмин. Опорой ему служила «Повесть о Словене и Руси» и упомянутый текст Манкиева. Эмин писал о Новгороде, не забывая упомянуть и пословицу, и стотысячное войско:

То заподлинно известно, что сей град был весьма велик и жители онаго во всем свете были славны... В Литве в древние веки, естли хотели кого проклинать, говаривали: *Убий ты Бог и Новый град*. Новгородцы владели разными народами и ставили около ста тысяч войска, а часто и больше, когда нужда того требовала.³⁷

При этом Эмин был хорошо знаком с разными подходами к определению республики. Рассуждая о временах до Рюрика, он утверждал, что для преодоления междоусобий в славянских «землях учреждено было не раз общее правление», но «оное не долго продолжалось, ибо грубый, к войне склонный, к грабегам... привыкший народ, как мог быть доволен общим правлением, которое по большей части своего покоя ищет и опасается жестокости воинской?» Однако знакома Эмину и «республика мечей». Среди государств своего века Эмин считает таковой Англию, замечая: «Одному только английскому общественному правлению свойственно, чтобы войною прославляться»³⁸.

Но наиболее последовательно и ярко сочетание классических республиканских атрибутов с представлениями о военной мощи и славе древнего Новгорода продемонстрировал драматург Я.Б. Княжнин, переработавший исторический сюжет о воцарении Рюрика в Новгороде и его столкновении с Вадимом. В трагедии Княжнина «Вадим Новгородский» Новгород – это воинственная «республика мечей», а не торговый город. Республиканцы во главе с Вадимом – вожди армий, постоянно занятые в походах; вернувшись в Новгород, Вадим вспоминает:

...те славные, священные чертоги,
Вельможи наши где велики, будто боги,
Но ровны завсегда и меньшим из граждан,
Ограды твердые свободы здешних стран,
Народа именем, который почитали,
Трепещущим царям законы подавали.

У Княжнина воинственные новгородцы заставляют царей трепетать, тогда как монархический подход предполагал, что страдающая внутренними усобицами республика является в военном отношении слабой. Свобода, таким образом, не противоположна военной славе, а сопутствует ей! Именно так Княжнин, превосходно владевший римской образностью, говорит о

37. Эмин, *Российская история*, 1767, с. 48–49.

38. Там же, т. 1, с. 41–42.

римлянах в трагедии «Софонисба» (1786 г.): «Их жертва – мужество, а боги – вольность, слава»³⁹.

Рюрик у Княжнина – не захватчик, поскольку военная сила не сокрушила бы мощи Новгорода; он «поставлен» новгородским народом как правитель (правда, в тексте упоминаются его «несметные полки», по-видимому, восходящие к коннотациям образа Цезаря как полководца, приведшего армию в город). Тем не менее, Рюрик «воздвигнул» свой престол «без препон». Новгород *способен* сопротивляться Рюрику, но *не хочет* этого – об этом говорит Вадиму один из новгородцев, Пренест:

Коварством Рурика граждански слабы силы;
А воинством варяг наполнен град унылый⁴⁰.

О том, кто из героев драмы пользуется симпатиями автора, спорят исследователи⁴¹. Скорее всего, автор «Вадима Новгородского» оставался монархистом, однако постарался рельефно выписать древнюю республику с опорой на сложившуюся традицию описывать Новгород на римский манер, как *республику мечей*.

Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» идентифицировал Новгород как республику, но не упоминал о военном могуществе города, игнорируя – редкий случай! – цитату из Манкиева при описании древнего Новгорода и фактически продублировав мнение Щербатова (неопытность войска Новгорода и внутренняя нестабильность как причины поражения) при описании новгородско-московской войны XV в.⁴² Вместе с тем в трагедии «Марфа Посадница или покорение Новагорода» (1802 г.) Карамзин развивал

39. Я.Б. Княжнин, «Софонисба, Трагедия в пяти действиях» *Собрание сочинений Якова Княжнина*, т. 2, М.: Губернская типография, 1802, с. 166. В этой же трагедии Княжнин называет Рим «истребителем Царей» (с. 150). «Софонисба» вообще интересна тем, что здесь – в отличие от «Вадима» – побеждают суровые, непреклонные и жестокие республиканцы-римляне, а несчастный царь Масинисса и его супруга Софонисба убивают себя, чтобы избежать бесчестия. Монологи римских персонажей «Софонисбы», Лелия и Сципиона, насыщены республиканской риторикой.

40. Я.Б. Княжнин, «Вадим Новгородский», *Собрание сочинений Якова Княжнина*, т. 2, 1802, с. 255.

41. В советской историографии принято было считать, что симпатии Княжнина – на стороне республики и Вадима (Ф.Я. Прийма, «Тема 'новгородской свободы' в русской литературе конца XVIII – начала XIX в., *На путях к романтизму*, Л.: Наука, 1984). Сегодня доминирует другая точка зрения, подчеркивающая амбивалентный характер республиканской риторики «Вадима», презентующей республиканцев как агрессивных фанатиков, вряд ли заслуживающих симпатии (W. Edgerton, «Ambivalence as the Key to Kniazhnin's Tragedy Vadim Novgorodskii» *Russia and the World of the Eighteenth Century. Proceedings of the III International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia*, Columbus: Slavica, 1988, p. 306–315; E. Wirtschafter, *The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater*, DeKalb: Northern Illinois Press, 2003, p. 168–169).

42. Н.М. Карамзин, *История государства Российского*, т. I. СПб.: Тип. Н Греча, 1818, с. 131-134; Его же, *История государства Российского*, т. VI, СПб.: Тип. Н Греча, 1819, с. 35–44.

принципиально иной взгляд на события XV в., описывая Новгород скорее как классическую республику мечей⁴³. Впрочем, в обоих случаях Карамзин делает акцент на телеологизме, обращаясь к исторической логике как к главному аргументу – так, варяги у Карамзина предстают носителями прогресса⁴⁴, а дорюриковский период истории расценен как «младенчество». Такая точка зрения была близка к упомянутым уже идеям XVIII в. о прогрессе искусств и торговли и о превосходстве современности с ее коммерческой «политичностью» над суровыми и дикими древними «добродетелями».

Как бы то ни было, упоминание о военной мощи Новгорода стало общим местом для большинства историков и писателей XVIII – начала XIX в. – от Манкиева до Карамзина. При этом описания Новгорода оставались амбивалентными: один и тот же автор мог характеризовать Новгород и как *республику мечей*, и как торговую республику.

Мечи против торговли? Амбивалентные объяснительные модели

Ярким примером такой амбивалентности является глава «Новгород» в «Путешествии из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. Характеризуя Новгород как могущественную республику, Радищев – подобно Эмину с Щербатовым – упомянул и пословицу, и сотысячное войско:

...Из стен его могло выходить до ста тысяч войска. Известно, по летописям, что Новгород имел народное правление. <...> Хотя у их были Князья, но мало имели власти. Вся сила правления, заключалась в посадниках и тысяцких. Народ в собрании своем на вече, был истинный Государь. Старинная речь; кто может стать против бога и великаго Новгорода, служить может доказательством его могущества.⁴⁵

Однако в этой же главе Радищев отметил, что причиной возвышения Новгорода была торговля, а причиной гибели – «внутренние несогласия» и «хищный сосед». Подобное утверждение отсылает читателя к тому противопоставлению монархии (мощь, слава) и республики (торговля, трудолюбие), которое характерно для концепции торговой республики. Это тем более интересно, что Радищев отлично знал античный канон и, в частности, перевел «Размышления о греческой истории» Мабли, где – при описании похода

43. Н.М. Карамзин, «Марфа Посадница, или покорение Новгорода», в Н.М. Карамзин, *Избранные сочинения в 2-х тт.*, т. I, М. – Л.: Художественная литература, 1964, с. 680–723.

44. «Варяги или Норманны должныствовали быть образованнее Славян и Финнов, заключенных в диких пределах севера; могли сообщить им некоторыя выгоды новой промышленности и торговли, благодетельныя для народа» (Карамзин, *История государства Российского*, т. I, с. 131).

45. А.Н. Радищев, «Путешествие из Петербурга в Москву», в А.Н. Радищев, *Полное собрание сочинений в 3-х тт.*, М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1938, т. I, с. 263–264.

Ксеркса на Грецию – особо подчеркивалось различие между военной доблестью древних республик, сумевших дать отпор агрессивному деспоту, и трусостью республик современных, коммерческих⁴⁶. В оде «Вольность» Радищев повторит довод о военном превосходстве республик над монархиями, касаясь борьбы Соединенных Штатов Америки за независимость, сравнивая республиканское войско Дж. Вашингтона с армией монархии, опирающейся на палочную дисциплину и принуждение. А в известной записке Радищев упрекает Ж.-Ж. Руссо, который, «не взяв на помощь историю, вздумал, что доброе правление может быть в малой земле, а в больших должно быть насилие»⁴⁷.

Равным образом и В.В. Попугаев, говоря о республиках в работе «О благоденствии народных обществ» (1807), склонялся к тому, что республики должны быть коммерческими государствами, которые «не должны быть и не могут быть весьма велики, дух завоевания истинным республикам несвойствен, но токмо правлениям деспотическим»⁴⁸. Однако здесь же Попугаев говорит и об «ужасной мощи» Новгорода, которая, правда, подрывалась внутренней нестабильностью и отсутствием политического баланса – очередное проявление характерной новгородской необузданности:

Республика Новгородская, невзирая на всю энергию ее патриотизма, на всю ужасную силу ее, пребывала во всегдашнем внутреннем колебании и потому наконец соделалась жертвою неутвержденного равновесия оных.⁴⁹

И пословицу, и «сто тысяч» новгородских воинов упоминает – со ссылкой на «Ядро российской истории» – автор «Исторических разговоров о древностях Великого Новгорода» (1808) епископ Евгений (Болховитинов)⁵⁰. По мнению Болховитинова, древние славяне «издревле привычны были к вольному республиканскому правлению», отчего «Новгородцы во все времена

46. «Мы не знаем, что такое есть покорение вольного народа. С тех пор, как монархия стала общее в Европе правление, где все подданные, а не граждане, и где разумы равно от сребролюбия и сладострастия изнемогают; то война производится в землях к повиновению обыхших и защищаемых наемниками. Самыя республики нам предлагающия представляют токмо толпу мещан прилепленных ко гражданским упражнениям: отчаяние не родит уже там чудес, и мы не найдем народов предпочитающих разрушение свое потерею своєю вольности» (Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастья греков. Сочинение г. аббата Мабли. Переведено с французского. Радищев, *Полное собрание сочинений*, 1941, т. 1, с. 246. (впервые опубликовано в переводе А.Н. Радищева в 1773 г.).

47. Радищев, *Полное собрание сочинений*, т. III, 1954, с. 47.

48. В.В. Попугаев, «О благоденствии народных обществ», *Русские просветители (от Радищева до декабристов)*, т. 1, М.: Мысль, 1960, с. 343.

49. Там же, с. 341. Показательно, что прилагательное «ужасный» Попугаев использует в своем трактате 6 раз, из них 3 употребления приходится на один и тот же абзац текста, где говорится о военной мощи деспотий. Мощь Новгорода Попугаев охарактеризовал тем же прилагательным, что и мощь Александра Македонского или Ксеркса.

50. *Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода*, М.: Губернская типография у А. Решетникова, 1808, с. 2–3.

старались удержать оное у себя». Чтобы защититься от варягов, новгородцы «еще до пришествия Рюрика распространили свою республику союзом со всеми их окружающими народами; после, завоеваниями в разныя времена, область свою простерли они даже до Перми, Печоры и Югории». Экспансия привела к тому, что новгородцы «страшны стали всем Руским Князьям»⁵¹. Одновременно Болховитинов характеризовал Новгород как коммерческую республику, пространно рассуждая о торговых связях новгородцев и усматривая причину падения города в том, что «цветущия, и особливо великия Республики, окружаемыя Монархиями, вообще долго стоять не могут»⁵². Возникновение «единодержавия» литовских и московских князей означало, таким образом, упадок Новгорода. Болховитинов замечает: «Удивительно даже, что Новгород мог процветать около 600 лет».

Итак, политическая характеристика республики оставалась амбивалентной: могущественная *республика мечей* всегда могла обернуться своей противоположностью, слабой коммерческой республикой, беззащитной перед агрессивным соседом. Много внимания уделялось непосредственно периоду перед призванием варяжских князей, когда в ход шла классическая аргументация о слабости республики вследствие изнуряющих гражданских распрей и уязвимости в военном отношении. М.В. Ломоносов, например, писал о том, что новгородцы «впали в великие распри и междоусобные войны, востая один род против друга для получения большинства»⁵³. Аналогичные доводы, как мы видели ранее, приводил и М.М. Щербатов. А профессор Московского университета Х.А. Чеботарев (1780-е гг.) утверждал, что после изгнания варягов Новгород «учинил себя вольным», но тут же добавлял:

Не долго продолжалось счастливое сие состояние, вскоре возродились в нем внутренние беспокойства и мятежи, яко натуральные пагубные следствия демократического государства; и новгородское общенародное правление, наконец, не сильно было удержать и защитить вольность и права своих сограждан.⁵⁴

Но как бы ни характеризовал Новгородскую республику историописатели, за ней признавалось особое могущество. В историографии 2-й половины XVIII в. был принят дискурс «славы и величия» национальной истории. Поиск глубокой исторической преемственности, распространенный в историографии Нового времени, предполагал реконструкцию генеалогий⁵⁵.

51. Там же, с. 53–54.

52. Там же, с. 66.

53. Ломоносов, *Древняя российская история*, с. 55.

54. Х.А. Чеботарев, «Отрывки из записок профессора Чеботарева», *Чтения Московского об-ва истории и древностей российских*, 1847, № 9, с. 4.

55. См. о дискурсе национального величия: С.И. Маловичко, «Спор М.В. Ломоносова и Г.-Ф. Миллера как конфликт разных историографических культур», *Imagines Mundi* (Сер.

Подобная реконструкция характерна еще со времен «Синописа», где в качестве славянских подвигов фигурируют кампании скифов против Александра Македонского или захват Рима Одоакром⁵⁶; эта же риторическая стратегия многократно применялась авторами XVIII в. Обращение к дискурсу «славы и величия» означало признание военного величия древних славян (в том числе – новгородцев) как неоспоримого факта, а уж под каким правлением такое величие было достигнуто – «республическим» или «самодержавным» – оставалось для многих авторов вопросом второстепенным.

Учитывая это обстоятельство, не следует удивляться тому, что некоторые историки – как, например, Н.С. Ильинский (1790) и И.В. Нехачин (1795)⁵⁷ – попросту смешивали монархическую (татищевскую) и республиканскую версии истории древнего Новгорода: в обеих версиях новгородцам сопутствовали великая слава и военное могущество! Нехачин особо оговаривает, что Новгород был славен «купечеством» и одновременно «силою своею» страшен «окрестным народам»⁵⁸. В этом видится отсылка к дискуссии о торговых республиках и *республиках мечей*.

Римская образность новгородского текста, вокруг которой строились описания военного могущества республики, накладывалась на поиск «славы и величия» в древнейшей истории славян. А это означало, что классический тезис о том, что монархии лучше приспособлены к войне и контролю обширных территорий, в отношении древнейшей российской истории утрачивал силу. Признание древнего Новгорода республикой почти автоматически означало констатацию республиканской военной мощи, создавая условия для дальнейшего развития параллелей с римской историей на российской почве. Немаловажным было и то, что, поскольку эти события разворачивались в дохристианский период истории России, интеллектуальный инструментарий провиденциализма (который, в свою очередь, оставался важным слагаемым монархизма, укорененным в панегирической литературе) отступал на вторые роли.

А вот сюжет о новгородско-московской войне XV в. обычно не предполагал ссылок на военную мощь Новгорода: здесь искать «славу и величие» было необязательным и даже опасным. Поэтому для анализа этого конфликта чаще использовался классический аргумент о военном превосходстве монархии

Интеллектуальная история), Вып. 4, Екатеринбург, 2010, с. 283–297; С.В. Соколов, «О чем спорили Миллер и Ломоносов: первые шаги скандинавской концепции происхождения варяжской руси», *Уральский исторический вестник*, 2013, № 1(38), с. 122–130.

56. В «Синописе» сообщалось, кроме прочего, что «славяне в храбрости и мужестве своем день ото дне крепко подвизающиеся, воеваша еще и противу древних Греческих и Римских Кесаров, и всегда славную восприемлюще победу, во всяческой свободе живяху» (Киевский Синопис. Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1836. с. 3–4).

57. Ильинский, *Историческое описание города Пскова и его древних пригородов с самого их основания*, ч. 1, «Предисловие», с. 11–12; Нехачин, *Новое ядро российской истории*, ч. 1, с. 10–11.

58. Нехачин, там же.

над республикой. Соответственно, сюжет о древнем Новгороде (включающий противостояние Вадим – Рюрик) чаще интерпретировался историописателями с помощью концептуального инструментария *республики мечей*, тогда как сюжет о Новгороде XV в. (с его противостоянием Марфа – Иван III), напротив, обычно рассматривался как история о торговой республике, которая не смогла сопротивляться могущественной соседней монархии.

Несокрушимые бунтовщики: Республика мечей против монархии

Признание «славы и величия» древних новгородцев означало смещение начальной границы российской истории в глубину веков, в период, предшествовавший и основанию династии, и крещению Руси. Именно в этом пространстве, свободном от телеологизма религиозной и династической исторической традиции, и формировались ключевые сюжеты российского республиканизма, обнаружившего, что в древнем Новгороде существовала республика, сочетавшая свободный образ правления и великое военное могущество.

Драма М.М. Хераскова «Царь, или Спасенный Новгород» (1800) ярко иллюстрирует то, каким образом литературный канон влиял на политическую речь. В своей драме Херасков, заочно полемизируя с Княжнинным, постарался дать политическую отповедь «мятежникам», напрямую уподобив бунт новгородцев против Гостомысла и Рюрика Французской революции⁵⁹. Однако, несмотря на то, что бунтующие новгородцы в описании Хераскова охвачены всеми мыслимыми пороками (жестокие расправы и казни, надругательство над древними святынями и повальное пьянство), войску Рюрика так и не удалось добыть победу в бою с бунтовщиками. Новгородцы, преданные «химере вольности», яростно защищали свой город; битва прекратилась только после вмешательства самого Неба, отдавшего победу Рюрику⁶⁰:

Горит мятежное сраженье!
Но что виной упорств таких?
Не храбрый дух – предубежденье
О вредном безначальстве их.

Даже яростная критика, которой Херасков подверг республиканизм, не позволила поставить под сомнение непревзойденные «славу и величие» древних новгородцев.

59. М.М. Херасков, *Царь, или Спасенный Новгород, стихотворная повесть*, М.: Унив. типография, 1800, Предупреждение.

60. Там же, с. 186.

Другой критик Княжнина, актер и драматург П.А. Плавильщиков, уделил внимание истории о могуществе древних славян в трагедии «Рюрик» (1791, поставлена впервые под названием «Всеслав»). Вадим предстает у Плавильщикова беспринципным честолюбцем, алчущим власти любой ценой. Однако в своих интригах против Рюрика Вадим постоянно обращается к республиканскому этосу Новгорода – например, говорит, что «цари несли к Славянам дань» и напрямую называет Новгород Римом северных стран⁶¹. А один из сторонников Вадима, Вельмир, вспоминает о том, что Новгородская республика – подобно республике Римской – обладала великим военным могуществом безо всяких царей:⁶²

Славенский род не знал и имени короны,
 Но многим скипетрам он подавал законы,
 Господствующий дух с свободою в сердцах
 Ужасными славян явил во всех странах.
 Где есть какой народ, какая где держава,
 Где б громкая славян не раздавалась слава?
 Властители царей, властители судьбы,
 Славяне стали днесь все Рюрика рабы.

Плавильщиков, конечно, вовсе не пытался восхвалять республиканскую форму правления древнего Новгорода. Скорее, он инкорпорировал в свой текст республиканскую риторику как важный атрибут исторического контекста, что позволяет утверждать: представления о республиканской форме правления Новгорода и о ее особенной военной мощи превратились к началу XIX в. в литературный штамп, которым оперировали даже авторы, склонные критиковать республику.

Наконец, Н.М. Карамзин конструировал собственную версию конфликта XV в., сознательно используя амбивалентность противопоставления монархии и республики в упомянутой нами повести «Марфа Посадница» (1803). У Карамзина посланник Ивана III, князь Холмский, кратко излагает новгородцам аргументы, утверждающие превосходство монархии над республикой:

Прежде ужасные только для самих себя и несчастные в глазах соседей, новгородцы под державною рукою варяжского героя сделались ужасом и завистию других народов; и когда Олег храбрый двинулся с воинством к пределам юга, все племена славянские покорялись ему с радостью, и предки ваши, товарищи его славы, едва верили своему величию.⁶³

61. П.А. Плавильщиков. «Рюрик. Трагедия в пяти действиях, в стихах», *Сочинения Петра Плавильщикова*, ч. 1, СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1816, с. 3, 6.

62. Там же, с. 13.

63. Карамзин, «Марфа Посадница, или покорение Новгорода», с. 683.

Новгородцы, обязанные монархам славой и верой, отложились от единого Русского государства во время монгольского нашествия. Новгород богатеет, тогда как остальная Русь лежит в руинах. В Новгороде правят богатейшие бояре, под игом которых страждет народ. «Шумное вече» Холмский противопоставляет мудрому правлению Рюрика и Ярослава.

Однако в ответной речи Марфы акценты расставлены по-другому – подобно Княжнину, Карамзин сохраняет амбивалентность в оценках. Новгород, по словам Марфы, никогда не покорялся великим князьям, исключая одного только Рюрика. Карамзин находит место и для коммерческой составляющей: богатство Новгорода – следствие республиканской «вольности», которая «оживляет трудолюбие, изошряет серпы и златит нивы»; с утратой «вольности» бедность станет наказанием для «недостойных граждан, не умевших сохранить наследия отцов своих»⁶⁴. В этой речи Марфа никак не парирует указание московского посла на то, что древний Новгород был обязан военным величием монархии Рюриковичей.

Тем не менее, итоговое сражение между монархией и республикой оказалось у Карамзина – как ранее и у Хераскова! – чрезвычайно жестоким и упорным, что заставляет вспомнить классические описания сражений при Фарсале и Филиппах из римской истории. Победивший Иоанн, подобно Цезарю, прощает всех своих врагов кроме Марфы Борецкой, которую ожидает казнь. Карамзин не вдается в разъяснения причин поражения Новгорода: новгородцы горят желанием сражаться за свободу, они мужественно противостоят войску Иоанна, а после поражения упорно обороняют город – и все же проигрывают войну (как отмечено выше, в аналогичной ситуации Херасков, куда менее благосклонно относившийся к «бунтовщикам», все же был вынужден заставить вмешаться высшие силы). И если, например, М.М. Щербатов объяснял поражение Новгорода утратой республиканской доблести и готовности бороться за свободу, то Карамзин описывает схватку равных соперников:

Грудь русская была против груди русской, и витязи с обеих сторон хотели доказать, что они славяне. Взаимная злоба братьев есть самая ужасная!.. <...> Одни сражались за честь, другие за честь и вольность.⁶⁵

Усобицы в Новгородской республике помянуты Карамзиным вскользь и они не подрывают боевого духа армии (хотя битву на Шелони московский князь выигрывает не без помощи изменников в новгородском войске); более того – после первого поражения новгородцы еще дважды попытались остановить Иоанна, и оба раза неудачно. Все это сообщает повествованию телеологизм, с помощью которого Карамзин и разрешает конфликт; на стороне Москвы – божественный замысел о России и историческая логика.

64. Там же, с. 693.

65. Там же, с. 712-713.

Следствием телеологизма Карамзина оказывается отсутствие в «Марфе Посаднице» сюжета о самоубийстве, завершавшего классические биографии Катона и Брута, присутствующего как у Княжнина, так и (с противоположной оценкой) у Хераскова. Карамзин же, хотя и назвал Марфу «Катоном своей республики», порвал с римской традицией, предпочитая республиканскому этосу смирение перед высшей силой, исторической логикой и судьбой. Марфа отказывается покончить с собой, говоря: «Герои древности, побеждаемые силою и счастьем, лишали себя жизни; бесстрашные боялись казни: я не боюсь ее. Небо должно располагать жизнью и смертью людей; человек волен только в своих делах и чувствах»⁶⁶. Она находит смерть на эшафоте, произнеся последние слова: «Подданные Иоанна! Умираю гражданкой Новгородскою!» Это противоречит решительному заявлению княжнинского Вадима перед гибелью: «Нет больше у меня отечества, граждан!» Национальное единство под рукой великого князя, которому сопутствует Провидение, оказалось для Карамзина выше республиканских политических институтов.

Альтернативой умиротворяющему подходу Карамзина, растворившему республиканизм в провиденциальной идее единства, были радикальные идеи декабристов. Для декабристов история о павшей Новгородской республике (следующая описаниям в духе Радищева и Княжнина) оставалась краеугольным камнем представлений о России, одновременно романтических и республиканских⁶⁷. Так, новгородские сюжеты присутствовали в стихотворениях В.Ф. Раевского «К друзьям» и «Певец в темнице» (оба – 1822 г.)⁶⁸. Во втором из этих стихотворений Раевский оплакивал падение Новгородской и Псковской республик, вспоминая о том, что

...там бессмертны имена
Златыми буквами сияли:
Богopodobная жена
Борецкая, Вадим – вы пали!⁶⁹

Исторические аргументы из прошлого позволяли приступать к радикальной критике российского настоящего: рабство, несправие, деспотизм – чуждые, наносные явления в истории России. Так, декабрист М.Н. Муравьев в предназначенной для солдат прокламации «Любопытный разговор» (1822) винил во всем «нашествие татар» и привнесенные им «понятия

66. Там же, с. 725-726.

67. См.: S. Rabow-Edling, «The Republican Idea of the Nation in Decembrists Poetry», Working papers, Uppsala University, Department of East European Studies, № 107, November 2006.

68. См. подробнее: Прийма, «Тема 'новгородской свободы' в русской литературе конца XVIII – начала XX в.», с. 126–127.

69. *Поэзия декабристов*, Л.: Советский писатель, 1950, с. 477.

восточные»⁷⁰, а М.С. Лунин в составленном уже после разгрома восстания «Розыске историческом» (1838) – «нордманнов», которых он считал ответственными в распространении «удельной системы», оказавшейся даже хуже монгольского ига⁷¹. И Муравьев, и Лунин решительно отказали дому Рюрика и в талантах, и в добродетелях, и в исторической роли. Аналогичного взгляда на российскую историю придерживался и другой видный декабрист, В.К. Кюхельбекер⁷². Позднее в XIX в. влиятельным продолжателем этой традиции выступит А.И. Герцен⁷³.

Подобная ориентализация монархии означала, что после ликвидации чуждого политического режима республиканские ценности можно будет возродить без угрозы для величия и могущества страны. Республика из элемента компаративного политического анализа превратилась — по крайней мере, для части российских элит — в идеал, который способен конкурировать с монархией и который, в силу своего соответствия национальной культуре и традиции, мог быть воплощен *здесь и сейчас*.

История оказалась способна превозмочь важнейший аргумент в пользу монархии. Логика классицизма, уподоблявшая Новгород могущественной Римской республике, сокрушившей своих врагов военной силой, поддерживалась теперь впечатляющими рассказами о военной мощи древних славян. Инерция поиска «славы и величия» оказала колоссальное влияние на российскую культуру, создав в конце XVIII – начале XIX в. особый жанр исторической литературы о подвигах древних славян, в котором отметились ведущие авторы своего времени – например, Ф.В. Булгарин в повести «Славяне, или Освобождение Арконы» (1830)⁷⁴.

Одновременный эффект двух параллельных процессов – заимствования республиканских описательных моделей и поиска национальных «славы и величия» – и стал моментом рождения российского республиканизма. Идентификация Новгорода как республики (с последовавшим наделением его республиканскими атрибутами и героями) в сочетании с признанием за Новгородом военной мощи, описания которой были сопряжены с поиском славных деяний

70. Н.М. Муравьев, «Любопытный разговор», *Избранные социально-политические и философские произведения декабристов*, т. I. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1951, с. 330–332.

71. М.С. Лунин, «Розыск исторический» в М.С. Лунин, *Письма из Сибири*, М.: Наука, 1988, с. 63.

72. Прийма, «Тема ‘новгородской свободы’ в русской литературе конца XVIII – начала XX в», с. 132.

73. А.Н. Цамутали, «История Великого Новгорода в освещении русской историографии XIX – начала XX в.», *Новгородский исторический сборник*, Вып. 1. Л.: Наука, 1982, с. 98.

74. Ф.В. Булгарин, «Мазепа», *Повести*, М.: Кронос, 1994.

в древнейшей российской истории, означала скрытый вызов основному аргументу в пользу монархии – ее военному преимуществу над «народным правлением». В интерпретации раннего этапа новгородской – и российской – истории монархизм и национализм конфликтовали; поиск «славы и величия» древних новгородцев мешал описывать раннюю Новгородскую республику как слабую в военном отношении и, таким образом, создавал возможности для республиканской интерпретации древнейшей истории России.

Появление «республиканского момента» в российской истории явилось следствием импорта объяснительных моделей и римской образности *республики мечей*, а не итогом развития дискуссии о политике. На этой основе сложился своеобразный канон «новгородского текста» в российской культуре XVIII – начала XIX в. Как правило, в рамках этого канона сосуществовали ссылки на поговорку «кто против Бога и Великого Новгорода», упоминание о «ста тысячах войска», фигуры Вадима и Марфы, а также особая новгородская «вольность», которую гражданам стоит защищать даже ценой жизни. Источником военной силы выступало республиканское политическое устройство, опиравшееся на добродетель граждан-воинов; коррупция республики обычно вела к раздорам и утрате могущества.

Подобный канон, однако, не был частью антимонархической полемики. Основной задачей экспорта римской образности был поиск адекватной объяснительной модели для древней истории страны, а дискурс «славы и величия» фокусировал внимание именно на военном величии этого периода. Восприятие Новгорода как *республики мечей* вполне сочеталось с монархическими взглядами абсолютного большинства авторов и зачастую даже служило средством для критики республиканизма (как в случае с Херасковым). Не приходится говорить о «превалировании официальной трактовки исторического прошлого России»⁷⁵: точка зрения Екатерины II, восходящая к идеям Татищева и высказанная в сочинении «Из жизни Рюрика», не оказалась востребована даже такими монархически настроенными авторами, как Херасков и Плавильщиков. Напротив, римская риторика к началу XIX в. широко использовалась для описания древнего Новгорода как могущественной *республики мечей*. Римская образность новгородских текстов начинала работать помимо идеологических предпочтений самих авторов!

А на рубеже XVIII – XIX вв. подобные представления о Новгородской республике оказались важным аргументом в политических спорах. Если древние новгородцы были могущественны в военном отношении, если залогом могущества была республиканская форма правления, то не является ли ошибочным тезис о необходимости монархии для обширной России? Не будет республика способна добиваться величия и славы? Не являются ли республиканские добродетели исторически присущими русскому народу? Взаимодействуя с

75. В.А. Абраменко, Образ Великого Новгорода в общественной мысли России (XVIII – начало XX вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2010, с. 23.

романтическим национализмом, «республиканский момент», который мы постарались описать выше, привел к ориентализации⁷⁶ российской монархии. Абсолютистский политический режим стал расцениваться как чуждый национальной культуре, которая в своих истоках была «вольной» и обладала республиканской традицией, которую следовало теперь восстановить⁷⁷. Апелляция к республиканскому прошлому была неразрывно связана с осознанием «славы и величия» древней российской истории. А монархия лишалась одного из своих главных оправданий – идеи о том, что лишь единодержавие способно эффективно контролировать огромную территорию страны, отражать внешние угрозы и утверждать боевую славу России на мировом «феатре».

Таким образом, республиканизм в России конца XVIII в. вдохновлялся не столько модернизационным импульсом, сколько ревизией национальной традиции, обнаружением *республики мечей* в российской истории. Подобная ревизия стала настоящим фундаментом отечественного республиканизма, поощряя к активным практическим действиям с надеждой на успех.

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

k.d.bugrov@gmail.com

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

srg.sokolov@gmail.com

76. Понятие «ориентализация» отсылает к знаменитой книге Э. Саида, *Ориентализм* (E. Said, *Orientalism*, London: Penguin, 1977), инструментарий которой мы используем, чтобы пояснить сущность изменения отношения части российских элит к монархии, которая теперь начала считаться «ориентальной», присущей «Востоку» и в силу этого принадлежащей к другой культурной традиции, чем издревле свойственный России республиканизм. В частности, говоря об «ориентализации» российской монархии, мы имеем в виду актуализацию влиятельной риторической модели, со времен античности использовавшейся для описания «восточной деспотии» с ее характерными «азиатскими» чертами – варварством, женственностью, изнеженностью, коварством и жестокостью. Функционирование этой риторической модели в европейской политической мысли можно проследить на огромном временном пространстве – от Тацита и Аристотеля до Гегеля и Маркса; интересной темой является развитие этой риторической модели на российской почве. Краткий обзор основных трансформаций риторической модели «восточной деспотии» можно найти здесь: R. Minuti, «Oriental Despotism», *European History Online* (EGO), published by the Leibniz Institute of European History (IEG), Mainz 2012-05-03. URL: <http://www.ieg-ego.eu/minutir-2012-en>.

77. См. об этом: Grandhaye, *Russie: la République interdite*, p. 197–199.